

ИММАНУИЛ КАНТ ПРОТИВ МАРКИЗА БЕККАРИА

1

Привлекает внимание следующий социальный парадокс. История говорит нам о том, что до последнего времени существовали только такие государства, которые, требуя, чтобы их граждане всегда вели себя в соответствии с нормами морали, сами действовали аморально по отношению к определенной части своих граждан, а именно: по отношению к преступникам. От своих граждан государства требовали, чтобы они соблюдали моральные требования по отношению друг к другу, в том числе и по отношению к преступникам, однако сами государства считали себя свободными от всяких моральных обязательств по отношению к последним. Сказано: «не убивай»; между тем всегда и всюду существовала смертная казнь. В тюремных стенах всячески издевались над подозреваемыми в совершении преступлений и применяли к ним пытки, потому что палачи считали подобного рода воздействие на людей наиболее эффективным способом получить от них правдивые показания. Сказано: «не кради»; однако и сейчас в пользу государства конфискуется имущество осужденных, в пользу государства конфискуются деньги и вещи, не дозволенные для провоза через государственную границу и обнаруженные во время таможенного досмотра. Сказано: «не обманывай»; однако в следственном деле считается допустимым как угодно обманывать подозреваемого, как угодно вводить его в заблуждение, лишь бы только добиться от него правдивых показаний или признания в совершении преступления. Об обеспечении гражданских свобод нечего и говорить: всегда и везде существовала цензура, всегда и везде преследовались инакомыслящие, которых обвиняли в пропаганде, направленной на подрыв государственных устоев.

По идее, тут давно следовало бы навести порядок: мораль так мораль, здесь не должно быть двойной бухгалтерии. Государство, взятое в целом, общество, взятое в целом, должны точно так же подчиняться моральным нормативам, как подчиняются им отдельные граждане и отдельные члены общества. К счастью, в последнее время в данном вопросе можно отметить явные сдвиги в лучшую сторону. Все-таки нравы, хоть и медленно, но смягчаются. В настоящее время в ряде цивилизованных демократических государств отменены пытки и смертная казнь. В Европейский союз принимаются только те страны, в которых смертная казнь отменена. В цивилизованных демократических государствах не существует никакой цензуры; в них строго следят за тем, чтобы не нарушались свобода слова, свобода печати, свобода совести и др. Однако на земле имеется еще много нецивилизованных и недемократических

стран, где и смертная казнь не отменена, и пытки применяются, и цензура весьма строга. Так что до идеала еще далеко.

2

Стоит отметить, что еще в XVIII веке находились гуманистически настроенные прогрессивные мыслители, которые боролись против применения пыток и за отмену смертной казни. К их числу относится Чезаре Беккариа, автор трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764). Многие из того, что сказано в этом трактате, звучит удивительно современно.

Так, в главе «О пытке» Беккариа настаивает на следующем: «Никто не может быть назван преступником до вынесения приговора суда. Общество также не может лишиться его своей защиты до тех пор, пока не принято решение о том, что он нарушил условия, которые ему эту защиту гарантировали. Таким образом, какое другое право, кроме права силы, наделяет судью властью наказывать гражданина до того, как установлен факт его виновности или невиновности? Не нова следующая дилемма: доказано преступление или нет. Если доказано, то оно подлежит наказанию исключительно в соответствии с законом, и пытки излишни, так как признание обвиняемого уже не требуется. В случае, если нет твердой уверенности в том, что преступление совершено, нельзя подвергать пытке невиновного, ибо, согласно закону, таковым считается человек, преступления которого не доказаны. Кроме того, было бы нарушением всех норм требовать от человека, чтобы он был одновременно и обвинителем самому себе, и обвиняемым, чтобы истина добывалась с помощью физической боли, как будто она коренится в мускулах и жилах несчастного. Такой подход – верное средство оправдать физически крепких злоумышленников и осудить слабых невиновных. Таковы роковые недостатки этого так называемого критерия истины, достойного каннибалов, который даже римляне, сами варвары во многих отношениях, применяли только к рабам, жертвам чрезвычайно превозносимой, но жестокой воинской доблести».¹

И далее: «этот мерзкий способ добывания истины еще и поныне остается памятником древнего и дикого законодательства, когда испытание огнем, кипящей водой и вооруженными поединками назывались *судом* Божьим, как будто звенья непрерывной цепи явлений, берущей начало в первопричине, обязательно должны перепутываться и рваться в угоду легкомысленным человеческим поступкам. Единственное различие между пыткой и испытанием огнем и кипящей водой заключается в том, что исход первой зависит, по-видимому, от силы воли обвиняемого, а второго – от чисто внешних природных явлений. Но эта разница только кажущаяся, а не реальная. Дать правдивые показания под пыткой,

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 121-122.

причиняющей невыразимые страдания, столь же маловероятно теперь, как и прежде, когда подвергались испытанию огнем и кипящей водой. Всякое проявление нашей воли всегда пропорционально силе воздействия на наши чувства, поскольку воля от них зависит. Способность человеческих чувств к восприятию ограничена. Поэтому ощущение боли, охватив весь организм, может превысить предел выносливости подвергнутого пытке, и ему не останется ничего другого, как избрать кратчайший путь к избавлению от мучащих его в данный момент страданий. Следовательно, ответная реакция обвиняемого на пытку с неизбежностью будет такой же, как и при испытании огнем и кипящей водой. Чувствительный невинный признает себя виновным, надеясь тем самым прекратить страдания. И таким образом стирается разница между виновными и невинными с помощью именно того средства, которое как раз и призвано эту разницу выявлять. Излишне было бы дополнительно иллюстрировать сказанное бесчисленными примерами того, как невинные люди признавали себя виновными, корчась под пыткой от боли. Нет такой нации, такой эпохи, которые не давали бы подобных примеров. Увы, люди не меняются и не делают никаких выводов. Любой человек с кругозором, выходящим за пределы повседневности, устремляется время от времени на обращенный к нему таинственный и смутный зов природы. Однако опыт, властвующий над разумом, его удерживает и внушает страх. Исход пытки, следовательно, дело индивидуального темперамента и расчета. У каждого эти параметры разные и прямо зависят от физической силы и чувствительности. Так что математический метод больше подходит для решения этой проблемы, чем судебское усмотрение. Основываясь на данных о силе мускулов и чувствительности нервной системы невинного, можно рассчитать тот болевой предел, за которым этот невинный вынужден будет признать себя виновным в совершении преступления».²

Вполне возможно, что подобные, основанные на новейших достижениях науки, расчеты производились чекистами Ежова и Берии, когда они обрабатывали в подвалах Лубянки таких людей, как Кольцов, Мейсрхольд или Бабель.

В главе «О смертной казни» трактата Беккариа читаем: «Это злоупотребление смертными приговорами, которое никогда не делало людей лучше, побудило меня исследовать вопрос о том: действительно ли смертная казнь полезна и оправдана при хорошо устроенном правлении? Что это за право, присвоенное людьми, зверски убивать себе подобных? Несомненно, его происхождение иное, чем у верховной власти законов. Эти последние не что иное, как сумма частиц личной свободы каждого. Они являются выражением общей воли, которая в свою оче-

² Там же. С. 124-126.

редь, – совокупность воли частных. Но кто же захочет предоставить право другим произвольно распоряжаться своей жизнью? Каким образом малая толика собственной свободы, отданная каждым ради общего блага, сделала возможной жертву величайшего из всех человеческих благ – жизнь? Но как в таком случае примирить этот принцип с другим, запрещающим человеку лишать себя жизни, в то время, как ты должен был бы иметь право на самоубийство, если мог уступить его другому лицу или целому обществу?

Следовательно, как я показал, смертная казнь не является *правом* и не может быть таковым. Это – война государства с гражданином в тех случаях, когда оно считает полезным и необходимым лишить его жизни. Но если я докажу, что смертная казнь ни полезна, ни необходима, я выиграю дело человечества». ³ И далее автор приводит ряд доводов, которые, по его мнению, доказывают, что смертная казнь ни полезна, ни необходима.

Трактат Беккариа «О преступлениях и наказаниях» не остался незамеченным современниками. По вопросу о пытках и смертной казни у Беккариа возникло много сторонников. Но не меньше было и противников его точки зрения. Споры продолжаются и по сию пору. Правда, по вопросу о пытках общественное мнение постепенно склонилось к тому, что они аморальны. Силовое воздействие на подозреваемых в преступлениях запрещено в цивилизованных странах; наказания, добытые таким способом считаются незаконными и не принимаются судом во внимание. И хотя, как мы знаем, в застенках некоторых стран по-прежнему прибегают к пыткам, палачи в таких делах не любят сознаваться. Что касается смертной казни, то и сейчас у нее много сторонников. Об этом говорят опросы населения, проводимые время от времени в разных странах. Как мы уже упоминали, на земле еще много государств, где смертная казнь не отменена.

3

Любопытно, что Кант по вопросу о смертной казни выступил в рядах противников Беккариа. В своей книге «Метафизика нравов» (1797), вышедшей из печати через 33 года после трактата о «Преступлениях и наказаниях», он очень решительно настаивает на том, что смертная казнь должна применяться. Это как-то странно. Ведь о морали Кант вроде бы все правильно говорит. Достаточно вспомнить его возвышенное учение о категорическом императиве. А тут, рассуждая о необходимости смертной казни, он вдруг оказывается сторонником древней максимы «око за око и зуб за зуб».

³ Там же. С. 167-168.

Иисус Христос в Нагорной проповеди эту максиму осудил и отверг, а Кант считает, что ее надо возродить! Вот что он пишет: «Если же он убил, то он должен умереть. Здесь нет никакого суррогата для удовлетворения справедливости. Жизнь, как бы тягостна она ни была, неоднородна со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые человечество в лице пострадавшего могло бы превратить в утрашение. – Даже если бы гражданское общество распустило себя по общему согласию всех его членов (например, если бы какой-нибудь населяющий остров народ решил бы разойтись по всему свету), все равно последний находящийся в тюрьме убийца должен был бы быть до этого казнен, чтобы каждый получил то, чего заслуживают его действия, и чтобы вина за кровавое злодеяние не пристала к народу, который не настоял на таком наказании; ведь на народ в этом случае можно было бы смотреть как на соучастника этого публичного нарушения справедливости».⁴

Впрочем, не следует понимать Канта так, будто он трактует формулу возмездия «око за око, зуб за зуб» слишком узко и буквально, а именно: как «смерть за смерть». По Канту не только убийцы должны караться смертью. Существуют, оказывается, и другие преступления, за которые она полагается: «Указанное равенство наказания, возможное лишь через смертный приговор, выносимый судьей по строгому праву возмездия, проявляется в том, что лишь посредством него смертный приговор выносится всем соразмерно с *внутренней злостью* преступника (даже когда это касается не убийства, а какого-нибудь другого государственного преступления, наказуемого лишь смертью)».⁵ Данная цитата ясно показывает, что кенигсбергский мудрец стоит за смертную казнь как таковую, не сводя ее применение к формуле «смерть за смерть».

Возвращаясь к смертной казни за убийство, Кант пишет: «Кроме того не было случая, чтобы приговоренный к смерти за убийство жаловался, что мера наказания для него слишком высока и, значит, несправедлива; если бы он высказался таким образом, каждый рассмеялся бы ему в лицо. <...> Итак, сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или содействовавших ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, а priori обоснованным законам».⁶ Тяжело

⁴ Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 258.

⁵ Там же. С. 258-259.

⁶ Там же. С. 259-260.

слышать эти циничные слова из чьих угодно уст, а из уст автора «Критики чистого разума» – и подавно.

Затем философ набрасывается на Беккариа: «А вот маркиз Беккариа из участливой сентиментальности и напыщенной гуманности (*compassibilitas*) выдвинул против этого утверждения о *неправомерности* любой смертной казни на том основании, что такое наказание не могло содержаться в первоначальном гражданском договоре; ибо тогда каждый в составе народа должен был бы согласиться на лишение своей жизни, в случае если он убьет другого (из состава народа); но такое согласие невозможно, так как никто не может распоряжаться своей жизнью. Все это – софистика и крючкотворство.

Человек подвергается наказанию не потому, что он захотел его, а потому, что он захотел совершить *наказуемый поступок*: какое же это наказание, если с ним случается то, чего он сам хотел, да и вообще невозможно *хотеть* быть наказанным. – Сказать: я хочу быть наказанным, когда кого-нибудь убью, означает не что иное, как: я вместе со всеми прочими подчиняюсь законам, которые естественным образом становятся карающими, если в составе народа имеются преступники. Совершенно невозможно, чтобы я, который как участвующий в законодательстве сам определяет *карающий закон*, оказался тем самым лицом, которое в качестве подданного подвергается наказанию по этому закону; ведь будучи таковым, т.е. преступником, я никак не могу иметь голос в законодательстве (законодатель священен). Следовательно, если я составляю закон против самого себя как преступника, то именно чистый разум во мне, устанавливающий правовые законы (*homo noumenon*), подчиняет меня карающему закону как лицо, способное на преступление, стало быть, как другое лицо (*homo phaenomenon*) вместе с остальными членами гражданского союза. Иными словами, не народ (каждый индивид в нем), а суд (общественная справедливость), стало быть не преступник, а кто-то другой присуждает к смертной казни, и в общественном договоре вовсе не содержится обещание разрешать себя наказывать и таким образом распоряжаться собой и своей жизнью. В самом деле, если бы в основании правомочия наказывать лежало *обещание* злодея, что он *захочет* подвергнуться наказанию, то ему же и должна была бы быть предоставлена возможность решать, заслуживает ли он наказания, и, таким образом, сам преступник стал бы собственным судьей. – Главная ошибка (*πρώτων ψεύδος*) этого софизма состоит в следующем: собственное решение преступника (на которое необходимо считать способным его *разум*), а именно что он должен лишиться жизни, рассматривается как решение *воли* лишить самого себя жизни, и, таким образом, приведение

в исполнение и вынесение приговора представляют себя объединенными в одном лице».⁷

Видим, что на старости лет Кант сделался каким-то бездушным и злобным законником. В его сентенциях звучат даже нотки садизма, что может быть подтверждено цитатой из той же «Метафизики нравов»: «Как, однако, будет обстоять дело с наказаниями за преступления, не допускающие никакой *отплаты*, так как эти наказания или сами по себе невозможны, или сами были бы наказуемым преступлением против *человечества* вообще, как, например, изнасилование, а также мужеложество или скотоложество? Первые два из указанных преступлений следует наказывать кастрацией (как белых или черных евнухов в гареме), последнее – вечным изгнанием из гражданского общества, потому что такой человек сам себя сделал недостойным общества людей».⁸

⁷ Там же. С. 260-261.

⁸ Там же. С. 292.